

ВАЛЕРИЙ ГОЛОФАСТ ФРАГМЕНТЫ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ КАК ИСТОРИИ С «ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ЛИЦОМ»

Борис Докторов
доктор философских наук, профессор,
независимый исследователь
bdoktorov@inbox.ru

Я благодарю моего коллегу Олега Божкова, много делающего для изучения наследия Валерия Голофаства, брата Валерия — Георгия Голофаства, дочь Оксану Голофаств и друзей Марата Бузского и Владимира Трякина за присланные мне материалы. Благодарен также Галине Саганенко, вмиг откликнувшейся на мою просьбу и приславшей заметки о начале ее работы в социологии. Мне приятно выразить благодарность Андрею Алексееву и Наталии Мазлумяновой за замечания по улучшению текста статьи.

Многие, читая интервью Дмитрия Шалина с Валерием Голофаством и Галиной Саганенко, испытывают странное чувство. Беседа состоялась в 1990 году: это всего 18 лет назад или целых 18 лет? Не существует страны, события в которой обсуждались, ушло то политическое время, нет одного из участников той бостонской встречи и ряда наших коллег, незримо «присутствовавших» в том ночном разговоре. Но одновременно понимаешь, ощущаешь, что все это было совсем недавно, оно не остыло, не превратилось в отстраненное прошлое. И тогда возникает серьезный научный вопрос, несколько эгегический по своей тональности: «Имеет ли мы здесь дело с историей или просто с записью дружеской беседы трех социологов?»

В моем понимании предмет беседы и высказанные в ней суждения крайне важны для видения и воссоздания политической ситуации и нравственной атмосферы, в которых протекала деятельность значительной группы ленинградских социологов в предперестроечные годы. А это означает, что, читая интервью и размышляя над ним, мы обращаемся к нашей истории. В частности, внимание будущих историков советской социологии привлечет трактовка Голофаством, Саганенко и Шалиным, учеными, принадлежащими к одной школе и к одному поколению социологов, но имеющими разный человеческий и профессиональный опыт, темы моральной автономии человека вообще и социального исследователя в частности.

Мое обращение к этому интервью связано со стремлением к развитию, конкретизации того подхода к анализу прошлого советской социологии, который я называю созданием истории с «человеческим лицом». Эта концепция дополняет рассмотрение науки как института и фокусируется на роли ученого как профессионала, гражданина и человека. История должна отражать не только то, что было сделано советскими социологами, но по возможности подробно рассказывать о них самих. Такой подход присутствовал в серии проведенных мною интервью с российскими социологами, основная часть которых опубликована в «Телескопе» и некоторые — в московских социологических журналах. В последнее время начата работа по анализу содержания проведенных интервью и подготовлены историко-биографические очерки о Б.А. Грушине [1], Ю.А. Леваде [2] и Г.В. Старовойтовой [3].

Продолжением этой работы являются и настоящие заметки о Валерии Борисовиче Голофастве (1941–2004), анализ жизни и творчества которого позволяет увидеть некоторые существенные детали становления постхрущевской социологии, и в частности — затронуть тему поколений в отечественном социологическом сообществе. Я не ставлю перед собою задачу целостного изуче-

ния биографии Голофаства, меня прежде всего интересует его путь в социологию. При анализе биографии деятелей культуры стало нормой обращение к периоду их ранней социализации и процессу профессионализации, другими словами, биографической информации присваивается статус историко-культурологической. Сейчас я не говорю о масштабах талантов и роли в истории того ли иного творца, но отмечаю собственно методологию историко-научоведческих поисков, признающую целостность, неразрывность личного и творческого в человеке. В силу молодости современной российской социологии и ряда других обстоятельств история нашей науки пока не осознала в полной мере необходимости широкого культурологического анализа биографий участников процесса ее создания, видя в них (жизнеописаниях) лишь нечто сугубо приватное, не детерминирующее особенностей профессиональной деятельности социолога. Мне думается, что, не изменив этого отношения к изучению биографий социологов, мы не только не ответим на многие принципиальные вопросы истории советской социологии, но у нас даже не возникнет стремления к их формулировке.

1.

В очерке о Голофастве мне представляется обоснованным и естественным обращение к общеметодологическим вопросам изучения биографии и использования биографического материала в исторических исследованиях. Геннадий Семенович Батыгин (1951–2003) и Голофаств являются одними из первых, кто в современной российской социологии обратил внимание на возможность использования биографического метода при анализе социальной реальности и кто начал систематически разрабатывать методологию изучения биографий. Для обоих обращение к биографиям было средством познания прошлого. Однако если Батыгин изучал биографии, чтобы лучше понять и описать историю, то Голофаств — обращался к прошлому людей, то есть к истории, чтобы лучше понять процесс социализации человека. И в данном случае не столь важно, что первый занимался историей социологии, а второй — историей ряда поколений советских людей.

Кроме того, представляется, что Батыгина прежде всего интересовал институциональный и коммуникационный аспект науки, в частности его последние работы касались этих проблемных сфер, и потому биографический подход становился у него одним из методов исследований функционирования социального института. Голофаства более привлекало познание частной жизни людей, в его социологических изысканиях биографический метод был антропологическим инструментарием. Оба они были лишь в начале своих поисков, и потому трудно сказать, в каком направлении развивалась бы их работа.

Коллективная монография «Социология в России» под редакцией В.А. Ядова [4], книги Г.С. Батыгина [5] и Б.М. Фирсова [6] по истории советской социологии, ряд других работ дают возможность составить общее представление о том, как происходило становление постхрущевской социологии и что было сделано по части познания советского общества второй половины прошлого века.

Еще четверть века назад исследования по истории современной российской социологии не казались актуальными, да и время было для того совсем неподходящим. Правда, если бы тогда наше профессиональное сообщество задумалось о необходимости фиксации и изучения пройденного им пути, то сегодня проведение историко-научных исследований было бы много проще; за последние два десятилетия мы потеряли многих, кто стоял у истоков развития социологии в Москве, Петербурге и в других регионах страны, прекратил свое существование ряд давно действовавших исследовательских коллективов, в связи с переездами лабораторий и сменой руководства исчезли архивы, казавшиеся непосвященным собранием старых, потерявших свое значение документов. Но специфику сегодняшних исторических поисков нельзя сводить только к активизации сбора и налаживанию хранения материалов для будущих исследований. Современный этап скорее всего следует назвать «вопрошающим»: необходим поиск вопросов, могущих стать координатами историко-научных исследований, ориентирующими, организующими их. Я отдаю себе отчет в сложности формулирования этих вопросов-ориентиров, но в порядке первого приближения назову следующие четыре, охватывающие достаточно широкую предметную сферу.

Прежде всего, вопрос собственно историко-научного плана: каков генезис постхрущевской социологии? каковы особенности ее возникновения? Мне представляется, что трактовка произошедшего как «возрождения» дореволюционной русской и постреволюционной советской социологии неточна в силу недостаточного учета исторических обстоятельств и «человеческого потенциала», в частности, особенностей профессиональной подготовки тех, кого мы сейчас называем создателями советской социологии. Полагаю, что вернее говорить о «втором рождении» [7]. Следующий вопрос можно классифицировать как научно-организационный: в какой мере первым поколениям социологов удалось создать необходимую инфраструктуру для развития науки? Вопрос третий — научно-гражданский: в какой степени результаты теоретических и прикладных исследований 1960–1980-х годов отражают то, что происходило в обществе и в сознании людей? И последний: советская социология позиционировала себя (внутри страны и для мирового научного сообщества) в качестве главной силы развития марксистской теории общества. Каковы в действительности эти теоретико-методологические достижения?

Думаю, что без обращения к биографиям первых поколений советских социологов ответы на эти вопросы не могут быть полными.

2.

Проблема поколений является сквозной, и степень ее разработанности в значительной мере определит характер ответов на сформулированные выше вопросы. Множество исследовательских направлений обнаруживается уже при первичном анализе проблемы поколений, и в частности: выявление их возрастных границ, факторы, детерминировавшие специфику их допрофессиональной социализации, общее и специфическое в процессах вхождения в социологию, возможности для карьеры, особенности предметно-объектных и методических задач, оказавшихся в фокусе внимания разных поколений и т. д. Некоторые аспекты этой целостной проблемы обсуждались мною в интервью с рядом социологов, а в наиболее развернутом виде критерии выделения поколений в современной российской социологии и сами когорты обозначены в статье о Галине Старовойтовой.

К первому поколению советских/российских социологов постхрущевского времени отнесена небольшая по численности группа молодых в то время людей, преимущ-

ественно имевших базовое философское, экономическое или историческое образование и некоторый опыт работы по полученным специальностям. Большинство из них родились в узком промежутке от 1926 до 1931 года, модальный интервал — 1928–1929 годы. Это — эмпирический интервал времени рождения социологов «первого призыва», его теоретические границы — 12-летний период от 1923 до 1934 года. Свою социологическую деятельность они начинали на рубеже 1950–1960-х годов, практически «с нуля», *самостоятельно осваивая* современные для того времени теории и эмпирические методы. Второе поколение — по возрасту и социально-политическим воззрениям близко к первому, но принципиально отлично от него тем, как оно входило в социологию. Годы рождения представители этого поколения располагаются в указанном выше 12-летии, но модальная возрастная группа, думается, на несколько лет сдвинута вправо (в область меньших возрастов). Эти люди формировались в той же социально-политической и нравственной атмосфере, что и социологи-шестидесятники первой волны. Однако в силу личных жизненных обстоятельств они пришли в социологию позже них, став — и это главное — их первыми *учениками, последователями, единомышленниками*. Это поколение — «шестидесятники второй волны». Следующая двенадцатилетка (1935–1946) — годы рождения тех, кто образует третье поколение, середина этого временного интервала приходится на 1940–1941 годы. Третья когорта социологов — это «военное» поколение, еще несколько лет его можно называть — «шестидесятлетние», хотя в нем уже есть и те, кто перешагнул 70-летний рубеж. Лишь самые старшие из этого поколения имеют собственный опыт восприятия событий войны, большинство же узнавало о ней от взрослых. В поколенческом опыте этой группы нет радости переживания Победы, но она помнит тяготы первых послевоенных лет. Атмосфера «оттепели» осознавалась ими (могу сказать, нами) через песни Окуджавы, стихи поэтов-фронтовиков и поэтов евтушенковского поколения, публикации «Нового мира». По характеру мироощущения эту группу можно называть — «младшие шестидесятники».

3.

По возрасту и по типу вхождения в социологию Валерий Голофаст принадлежит к третьему поколению советских/российских социологов. Соединяя то, что мне сообщил о Валерии его младший брат Георгий Борисович [8], живущий в Днепропетровске, и биографическую информацию, собранную О.Б. Божковым [9], можно сказать следующее о родительской семье и ранних годах жизни Валерия.

Голофаст родился 24 марта 1941 года в Днепропетровске. Его отец был конструктором в одном из днепропетровских КБ, проектировал 1-й сварной мост в Днепропетровске, ленинградскую телебашню, крытый стадион в Индонезии. Мать была бухгалтером, в настоящее время пенсионерка, живет в Днепропетровске. После окончания 7 класса Валерий хотел поступить в летное училище, но не прошел медкомиссию. Любовь к технике у него началась с увлечения фотографией — отец с войны привез несколько трофейных фото- и кинокамер. Окончив школу, Валерий проработал три года на мебельном комбинате, слесарем на металлургическом заводе и проучился два курса на вечернем факультете в Металлургическом институте. В 1960 году Голофаст поступил на филологический факультет Ленинградского университета и прожил в Ленинграде отпущенные ему следующие сорок с небольшим лет, практически все это время работая в социологических структурах Академии наук.

Принимая во внимание то обстоятельство, что кандидатская диссертация Голофаства была посвящена анализу американской семьи [10], а его посмертно изданная книга озаглавлена «Социология семьи» [11], можно сказать, что различные аспекты развития современной семьи всегда находились в центре его внимания. Но много вернее сказать, что как социолога его прежде всего интересовал человек как таковой и все, что помогало понять человеческое сознание и поведение. Если попытаться определить, что располагалось в фокусе его общеметодологических и урбанистических работ, исследований по образу жизни различных групп населения, науковедческих изысканий и статей по методам социологии, то скорее всего мы увидим там обыденного человека в повседневном мире.

Игорь Травин в том месте интервью, где я просил его вспомнить нашего коллегу и друга, так сказал о научных интересах Голофаства: «У него была такая знаменитая поговорка <...> Он начинал иногда какой-то цикл, период разговора с вводной, вводного пассажи — "меня интересует". <...> при прочих равных условиях у него интерес зачастую был, я бы сказал, шире чисто физических возможностей» [12]. Согласившись с Травиным в признании широты интересов Голофаства, я могу высказать предположение о природе подобного феномена. Эрудиция Голофаства, знание многих языков, постоянное стремление узнать новое, любовь к технике (механике) и астрономии в некотором смысле сближают его с учеными того времени, когда философия была единой наукой и люди, занимавшиеся ею, испытывали «любовь к размышлениям».

И все это началось рано, к двадцати годам Голофаством было написано [13]:

*Как только темнота засветится
Зеркальными морями месяца,
Вылезят телескопов щупальцы,
И человек на небо шурится.
И человек в Юпитер метится,
Он силою с планетой меряется,
Уже выходит побеждающим
Земную жажду притяжения,
Ему за это обещающую
В награду жизни продолжение
В пространственном ее и временном
Существовании отмеренном.
Все это здорово задумано,
Но что-то мы не так делаем.
И ходят юноши задумчивые,
Как будто не хватает детства им.
И люди, жалкие и лживые,
Ослепленные желтой жилюю,
Все ходят, бродят в тьме невежества
И прикрывают это вежливостью,
И прикрывают это важностью,
И прикрывают это ваие-ством.
Не потому ли смотрят, глупые,
И по-воловы отворачиваются,
Что очи их закрыты лупами,
В которых только сено значитяся?
Все потому, что люди ленятся,
Все потому, что мало ломятся
В окошки уравнений Лоренца,
В захлебывающиеся строчки Лейбница.
Вам, юноши, о всем мечтающие,
Не только числа почитающие,
Не только денежки подсчитывающие,
Как сколько книжечки почитывающие;
Найдите где-то среди них
Срывающегося с губ моих,
Как ласточку с карниза — стих!
Как сокола с обрыва — стих!
Растите многолапым деревом!*

*Землю под корнями — дело вам!
Водою под корнями — знания!
И солнце над ветвями — знаменем!*

Здесь есть и космос (Юпитер), и теория относительности (Лоренц), и философ-математик Лейбниц, и лирика — извечные вопросы, которые задает себе молодой человек¹. Желание знать у Голофаства всегда было импульсом к продолжению познания. На мой взгляд, он не был всеяден, но, возможно, ощущал абсурдность сдерживания себя от погружения в то, что представлялось ему интересным.

4.

Олег Божков отмечает, что в переписке Голофаства видны его напряженные размышления об окружающем социальном мире, в ней — море разнообразных тонких и точных наблюдений. И далее: «Думаю, что людям, с которыми переписывался Валерий, чрезвычайно повезло в жизни — они соприкоснулись с удивительным интеллектом» [14]. Я — один их тех, кому повезло. Благодаря Божкову у меня есть, если иметь в виду объем, три-четыре печатных листа наших с Голофаством электронных бесед. И это лишь часть. Эта переписка охватывает период с октября 2001 года (все началось раньше) до декабря 2004 года; последнее письмо пришло за две ночи до смерти Валерия...

Приведу лишь короткие фрагменты из писем Голофаства, показывающие его и как личность, и как исследователя.

9 февраля 2003 г. <...> Как ты знаешь, я когда-то, глубоко дилетантски, чуть коснулся истории социологии (семьи) в Америке. И первое же впечатление, которое потом многократно подтверждалось, что это страна с усеченной историей, но... И в этом-то вся прелесть. Истоки — известны (частью письменно, частью в легендах, частью в пересказах). И пересказы очень важны, свидетельства, письма, дневники <...> Из короткой истории американцы сделали культ. Чтобы выигрышно выглядеть перед всеми новыми мигрантами тоже. Очень важная черта <...> восхождение и снижение статуса целых этнических или локальных групп, маркированное успехами их представителей, символических героев или легендарных предков, которые, однако, все реальны, хотя и чуть надуты усиленным вниманием. Внимание к личности в таких условиях нормально, как и к небольшим общинам. Итог — напряженное историческое и личное самосознание. Этого теперь нет даже в старой Европе. А у нас — в СССР, России и пр. — трювилось и трювилось весь XX век.

11 июня 2003 г. Я когда-то <...> был шоссейником. Объездил пол Украины. На шоссе самое трудное — это ехать в группе.

1 января 2004 г. <...> В общем, я не пессимист и не оптимист. Не хотелось бы быть фаталистом. Делай, что интересно, — мой скромный девиз...

10 января 2004 <...> Человек живет в машинерии общества, рано или поздно, занимаясь чей-то жизнью, обнаруживаешь и привычки, клички, особенности твоего персонажа или других людей. Но это в воображении так можно развести. В реальности поддерживается иллюзия, основанная на культуре и самом по себе живом процессе (истории), что все только в конкретных людях или их поступках, словах, движениях, действиях. Это дилемма — индивидуальное-общее. На ней были помешаны на рубеже XIX–XX веков. Манера науки — вычленять общее, так полностью и не принята. Поскольку есть кино, литература, теле и пр. А там принципы иные. Хотя известно, что частное должно быть свернуто в общем, иначе общее пусто,

1 Ряд стихов В. Голофаства приведен на сайте, указанном в [13]

вздорно. И в поиске без частного не только не обойтись, ибо оно след, свидетельство, окошко в жизнь, но в нем немалая часть эмоций, реакций, живой плоти.

11 января 2004 г. В Бостоне я был в нескольких церквях, даже на пасхальной службе с одной семьей. Либо пусто, либо чисто статусное светское раз в год мероприятие. Но я был в высоколбой среде. <...> Я тут как-то сформулировал, что были три волны секуляризации в прошлом Европы: Реформация, Франц. Революция и наш пример. Ведь почти все протестанты на самом деле могут быть мистичны индивидуально, но они давно равнодушны к культу, церкви, да, думаю, и к глубокой вере. А секулярные верования поверхностны или психопатичны. Интеллектуалы — те могут еще что-то искать. А все остальное — это наносное, как ветер.

25 января 2004 г. ...Единственно, что не дает мне впасть в полный пессимизм, — я заглянул на сайт выпускников школ — на самом деле самодельный форум — Днепрпетровска и нашел свою школу. Но не искал свой институт-университет пока. Я ведь когда-то учился и в институте, металлургическом, бросил после 2 лет.

16 мая 2004 г. Развлекаюсь тем, что читаю очень старую литературу Японии, до этого был Китай.

30 мая 2004 г. Мое любимое — даосизм, ранний, поздний — напоминал алхимиков в Европе. А о раннем есть классные романы. И притчи, которым нет равных даже в народном иудаизме из Польши-Чехии 16–17 веков. Слушай, Вам там не дают бесплатно Тору на каком-либо языке? Я об этом мечтаю. Или более поздние апокрифы? Прости, если это тебя ставит в тупик. Ты же знаешь, мой интерес сугубо интеллектуальный!...

8 июня 2004 г. ... что касается Анны Карениной, то она у меня лежит у изголовья. Я ее читал на ночь месяца три-четыре, теперь пауза примерно уже года полтора. <...> До университета я очень увлекался Толстым. В моей провинции я нашел в одной библиотеке 90-томное собрание и сканировал его по разным поводам. В «Карениной» потрясающе интересный быт, неправдоподобный, непредставимый уже. И странные теории насчет народа, утопических стремлений, порывов. Я когда-то любил Толстого много глубже, чем Достоевского, если сравнивать!...

12 марта 2004 г. <...> Много лет назад у меня был интерес к любительской астрономии и телескопостроению. Я имел канал в БАН и давно знал всех библиотечарей на кафедре философии. Одна из них достала мне три тома из Пулковской обсерватории, в которых были собраны за много лет статьи из журнала *Sky and Telescope*, где был весь опыт американских любителей, начиная с войны и после, до 60-х гг. (единственный экземпляр в СССР). Один факт имеет фундаментальное значение. Во время войны потребовалось срочное производство прикладной оптики (бинокли, перископы, трубы, для авиации, флота, танков и пр.). Никакой промышленности оптической в США не было. Оптике-любители сделали все — проекты, технологию, первые линии штучного, а затем массового производства. <...> Когда-то американец изобрел суппорт для токарного станка. Это было в начале девятнадцатого века. И это стало революцией в этой технологии. Были соревнования между Европой — старой промзоной и США — еще прериями. Потом к 80-м гг. американцы сделали первые в мире сборочные линии с взаимозаменяемыми частями на своем первом часовом заводе. И посадили в лужу королей часового дела — швейцарцев, французов и пионеров этого ремесла-англичан. То есть я хочу сказать, что в Америке это была надындивидуальная культурная модель или семейство моделей.

22 сентября 2004 г. Про праздники — ведь их традиционное обрамление бесконечно богато, рассчитано на всех, даже на детей. Это — одна из тем моих размышлений последнего времени. Я обнаружил (потом и у других) что все теории-схемы-идеологии модернизации

всегда давали слишком черно-белую картину, просто переключения от традиционного существования к другому. Возможно, структура ценностей так и переключается. Как будто человеку-обществу сдаются другие карты, и он уже играет иначе. <...> Новое расталкивает локтями старое. Специально выбираю материальные и грубоватые примеры, чтоб оттенить. Но то же относится к мыслям, чувствам, стремлениям, страхам, тоске и прочая. Язык слишком традиционен и груб, чтоб выразить эту смесь.

26 сентября 2004 г. Когда я начинал заниматься биографиями, я сказал себе и своим коллегам, что от двух линий мы будем уходить в своей активности — от лагерей и репрессий и от военных воспоминаний. Первое мучительно и напряженно идеологично — требует огромной социотехнической работы с людьми, которые об этом пишут. Второе же — выдающийся пример эксплуатации государством военной темы — гигантская машина пропаганды во главе — с верху до низовых организаций — в том числе и по фабрикации соответствующих текстов. <...> Советская власть много сделала, чтобы многие люди забыли своих предков. Включая уничтожение (и добровольное) документов об этих временах и людях. <...> В культуре (а написание — это прямой перевод в культуру) человек становится почти бессмертным. Почти, поскольку были Тойнби, Шпенглер и прочие, которые спокойно принимали факт, что культуры смертны, как и личности. Пока я живу, я могу беседовать с Конфуцием, или с Гэл-лапом. Как со своей мамой. Когда она далеко.

6 декабря 2004 г. <...> Читал ли ты когда-нибудь Люиса Мамфорда? Я пропустил здесь издание его книг, придется искать в библиотеках. Я когда-то читал, но мало, статьи. Он философствующий историк. Любимый жанр. Очень независимый ум вроде.

Привет, В.

Это было последнее письмо, написанное мне Голофастом. Но мой мысленный диалог с ним продолжается.

5.

Я познакомился с Голофастом году в 1973-м или 1974-м, и с 1975 года до моего отъезда в Америку в 1994 году мы работали в соседних секторах академической организации, многократно менявшей свое название и сейчас именуемой Социологическим институтом РАН. Но лишь из приводимого ниже фрагмента его письма от 11 июля 2003 г. я узнал, что в юности Валерий писал стихи. Для меня это сообщение оказалось в высшей степени значимым, лишь после него я начал понимать истоки того, что про себя многие годы называл стилем Голофаста. Речь идет не только о языке, хотя стиль во многом и задается им, но о логике видения мира.

Все произошло случайно: я спросил Валерия, не знал ли он, обучаясь на филологическом факультете, Сергея Довлатова, и в ответе среди прочего я прочел: «На филфаке я учился в 1960-65. Когда я приехал в Л-д, у меня еще был поэтический период. В 60-61 годах я знал всех, кто был активен в студиях, на вечерах в кафе, сам выступал в них и в кинотеатрах. Но потом резко ушел из этой среды. Может быть, ты слышал про Костю Кузьминского (он теперь в США), мы были приятелями, и я частенько ночевал у него дома на бульваре Профсоюзов. Ушел по личным мотивам — меня завалили по языку — а это было хана пребыванию в Л-де. Пришлось мобилизоваться. А в этом процессе я стал искать другие интересы».

Может быть, именно эту смену своих жизненных планов, а также состоявшийся уход из технического вуза и начало обучения на филфаке и имел в виду Голофаст, когда за месяц до смерти писал мне: «Я тут сказал одной девушке, знаешь, можно ведь сейчас завернуть за угол, и уйти совсем в другие края, не возвращаясь... Я пару раз в жизни так делал. Правда, в другом возрасте. Я без пессимизма, учти» (17 ноября 2004 г.).

Ленинград второй половины 1950-х — 1960-х годов был городом, в котором, несмотря на многие идеологические барьеры и бытовые проблемы, велась активная литературная жизнь, существовал ряд литературных объединений и неформальных групп, объединявших молодых прозаиков и поэтов близких творческих ориентаций и политико-гражданских установок. Достаточно сказать, что именно в той среде формировались Иосиф Бродский и Дмитрий Бобышев, Анатолий Найман и Евгений Рейн, Виктор Кривулин и Виктор Соснора и ряд других поэтов, несколько позже в значительной степени определивших общий уровень советской поэзии.

Константин Кузьминский — человек-легенда, один из героев ленинградского литературного андеграунда конца 1950-х — начала 1960-х, обладает феноменальной памятью на стихи. Его считают одним из первых, кто осознал значение неофициальной культуры и понял необходимость ее внимательного изучения и сохранения [15]. Я ответил Валерию, что не был знаком с Кузьминским, но одно время мы принадлежали к пересекающимся дружеским компаниям. После смерти Валерия я нашел электронный адрес Кузьминского и написал ему. Он ответил, что считает стихи Голофаства гениальными, и указал сайт, на котором расположены его воспоминания о Валерии и несколько его стихотворений. Приведу крошечный фрагмент из воспоминаний Кузьминского, как мне представляется, чрезвычайно важный для понимания Голофаства не просто как социолога, но и как представителя одного из типов социологов третьего поколения: «...стихи, с которыми он пришел, были — уже — написаны мастером. Блестящий классический стиль, философичность — вот философичность-то, по-моему, Голофаства и подкосила. Его стихи стали переходить в прозу, в философское размышление. <...> Хорошо, что Голофаства не напечатали. Тогда ему было бы еще хуже. Человек он был серьезный, положительный, и в своем процессе становления советским писателем — дошел бы до полного самоотрицания. А так — хоть подышал. <...> Голофаства я встретил перед отъездом в “Сайгоне”, поблекшего, усталого и голодного. <...> И сейчас мне грустно: какого поэта я потерял, или он — потерял сам себя? Кто теперь скажет? И не только поэта, но и все его рукописи. <...> Но ощущение большего знания — у меня осталось надолго. Был он умнее всех нас. Что стало с человеком? Куда и почему он пошел?..» [16].

О том периоде, когда Голофаств начинал писать стихи, вспоминают друзья его юности, а вот слова его брата: «Стихи начал писать в старших классах, начинал с переводов Шевченко на русский язык. Ходил в литературную студию во дворце студентов. Вела студию преподаватель из университета Н.М. Телевная. Ее сняли с работы и отстранили от студии, и весь костяк группы собирался у нее дома, где на нескольких обсуждениях довелось побывать и мне. Читали стихи, прозу, критиковали. Наталья Максимова знала итальянский, французский и немецкий, любила жаркие дискуссии, имела огромную библиотеку, как поэтическую, так и по изобразительному искусству. Под ее влиянием Валерий отослал стихи на творческий экзамен в Литературный институт имени Горького».

6.

Ранее обращение Голофаства к поэзии рассматривается его друзьями как отдельный, самостоятельный факт его и их далекого общего прошлого, мне представляется, что в нем ядро, суть понимания многого в его жизни. Для Голофаства — сначала было *слово*.

Рано возникло у Голофаства и критическое отношение к окружающему его социальному устройству. В интервью Дмитрию Шалину он говорил: «Я был достаточно молодым человеком... Полная утрата иллюзий [произошла]

где-то в середине правления Хрущева, потому что стало ясно, что все предложения фальшивые, абсолютно [все]. И никакой надежды, что они когда-то будут реализованы. То есть для меня никогда не было проблемы и, следовательно, для меня всегда существовал мир общественных правил игры и внутренний мир моего восприятия, моей оценки, который всегда был дистанцирован. Я мог принимать или не принимать политические конвенции, но это не имело значения. В общем, для меня [этот процесс] в моей биографии начался очень рано... Я научился спокойно переносить эту двойственность и особой проблемы не испытывал <...> я знал, что существует другая жизнь, существует более широкий мир».

7.

Мое изучение биографий представителей первых двух поколений советских/российских социологов позволяет заметить, что выбор ими специальности и начало социологической деятельности были связаны с их стремлением к познанию и усовершенствованию общества, социальных отношений. Это видно из общего анализа жизненных путей Б.А. Грушина и Ю.А. Левады, из интервью с Т.И. Заславской, А.Г. Здравомысловым, Н.И. Лапиным, Ж.Т. Тощенко, Б.М. Фирсовым, В.Э. Шляпентохом, В.А. Ядовым. Социологи третьего поколения (к настоящему моменту опубликованы мои электронные беседы с А.Б. Гофманом, Л.Г. Иониним, Е.С. Петренко, Е.Э. Смирновой, Ф.Э. Шереги) были менее идеологически, граждански «заряжены», и многие из них пришли в социологию, имея базовую специальность, далекую от изучения социума. Есть группа ученых (назову: А.Н. Алексеева, О.Б. Божкова, Д.Л. Константиновского, недавно скончавшегося в США Ю.Л. Неймера (1929–2007)), которые пришли в социологию из журналистики и которые изменили свою профессию в силу возникшего у них стремления к более глубокому, теоретически фундированному пониманию той социальной реальности, которую они анализировали в прессе.

Движение в социологию Голофаства схематично можно описать так: поэзия, постепенно приобретающая философичность, — филология — философия — социология. Причем социология, не «господствовавшая» в то время в СССР. Вот слова из некролога, написанного В.А. Ядовым: «Валерий Голофаств вошел в нашу команду, имея за плечами филологическое образование. Потому не случайно феноменологический подход к социальным проблемам был ему близок. Именно это имело неоценимое значение в сообществе “жестких позитивистов”» [17]. Отсутствие устремленности Голофаства к быстрой публикации результатов его исследований Ядов связывал со спецификой «понимающей» социологии и индивидуальными особенностями Валерия. С этим можно согласиться. Действительно, приверженность Голофаства к «понимающей» социологии и проделанная им в юности и ранней молодости работа со словом, его причастность к андеграундной «сайгонской» культуре, с одной стороны, делали невозможным для него принятие доминировавшего тогда идеологизированного языка советской социологии, с другой — препятствовали принятию его риторики структурами, определявшими, что можно публиковать, а что — нельзя. Став социологом, Голофаств одновременно оставался филологом, и слово всегда было для него важнейшим инструментом познания и описания реальности. В 1970–1990-е в социологии всем было сложно публиковаться, но «отягощенному» поэтическим опытом Голофаству это было сложнее, чем другим.

8.

Философия — это любовь к мудрости, филология — любовь к слову, но поскольку слово и есть мысль, легко понять, что эти науки находятся в постоянном взаимо-

действию, в некоторых случаях — в прямом соприкосновении. Так, согласно М.Л. Гаспарову история философии — глубоко филологическая дисциплина [18].

Стремление к абстрактному, научному анализу природы этого диалога способно приносить человеку радость, но постоянное ощущение и переживание конфликта между этими науками во многом драматично. В отличие от многих других социологов, задумывающихся лишь о том, что сказать о социуме, Голофаст в равной мере был сконцентрирован и на мысли о том, как выразить итоги своих размышлений. Когда я сказал ему, что объем написанных мною сюжетов по истории американской рекламы и изучению общественного мнения перевалил за миллион знаков, он ответил — «пиши романы» и затем: «А меня вот тянет на афоризмы почти. Я тут начал один маленький-маленький текстик. Но его тоже трудно продолжать без читателей. А их не найти, особенно на предварительной стадии» (1 ноября 2004 г.). Мой ответ был: «Боюсь, что этот текст не сможет остаться маленьким.<...> Знаешь, как вода, пока мелко — трудно плыть, а на глубине вода держит... такой кайф... если море тепло... это я к тому, что пиши и высылай, я буду читать».

Сейчас, перечитывая последние короткие статьи Голофаста [11], я начинаю понимать, что именно к этому жанру он шел, пробивался, ибо только в нем он в принципе мог в полной мере выразить себя. Что означает «тянет на афоризмы»? По большому счету это указывает на то, что Голофаст искал форму выражения, риторичность, близкую к поэзии. Ему нужны были емкие фразы, которые одновременно передают его мысль и активно инициируют со-творчество, со-размышления читателя. Зачем ему нужна была такая форма? Потому что о многом хотелось сказать, хотя бы обозначить, намечать. То не была некая универсалия, вокруг которой все другое естественным образом группировалось бы, располагалось, то были суждения о многом, своего рода итоги тех циклов разговоров, которые, по воспоминаниям Игоря Травина, начались с вводной — «меня интересует».

9.

На мой рассказ о поиске фактов для моих исторических обобщений и новых гипотез Голофаст отреагировал следующей репликой (10 января 2004 г.): «Ты как ищайка, идущая по следу. Go, go, go...» Работая над этим текстом, мне тоже хотелось «поохотиться» и найти что-либо, позволяющее глубже понять истоки, мотивы работы Голофаста.

О. Божков в своих комментариях обращает внимание на дневниковые записи Голофаста 1960 года, посвященные Леониду Борисову: «Маленький, сухонький, совершенно седой старичок с неожиданно громким, хотя и старческим уже голосом. Очень энергичный и горячий. Один из последних наших романтиков». Борисов говорил о Паустовском, Ахматовой, Блоке, Скрябине, Эренбурге [9]. О том, что Леонид Борисов бы дядей друга юношеских лет Голофаста, я узнал позже, из воспоминаний Владимира Трякина.

Давно, еще учась в школе, я читал книгу Борисова об Александре Грине, и мне почему-то захотелось проверить, тот ли это Борисов. С помощью Интернета я через несколько минут узнал, что именно тот, что в 1945 году он выпустил книгу о Грине под названием (которое я не помнил) «Волшебник из Гель-Гью»; позже эта книга неоднократно переиздавалась.

Леонид Ильич Борисов (1897–1973) пережил многое. Было время, когда его не публиковали и приходилось зарабатывать на жизнь литературной поденщиной, но все же его миновали аресты и лагеря. Начиная он как поэт в 1916 году, сразу после окончания гимназии. Его первый роман «Ход конем» (1927 год) был высоко оценен

Горьким [19]. В докладной записке о деятельности журналов «Звезда» и «Ленинград», послужившей их разгрому в 1946 году, отмечалось: «На страницах "Звезды" ведется пропаганда идеалистических взглядов на искусство. Повесть Л. Борисова "Волшебник из Гель-Гью" (№ 4, 5-6 за 1946 г.) сплошь заполнена призывами уйти от действительности в область "сладостных легенд", "в мир фантастики и чистой выдумки". Образ писателя Грина, являющегося героем этой повести, идеализируется как образ мечтателя, человека "не от мира сего", погруженного в свои бесконечные фантазии» [20]. Сам Борисов считал, что туча над его головой прошла мимо, так как его защитил Сталин, которому, — как кавказцу (слова Борисова) — эта повесть понравилась [21]. В коротких справках о творчестве Борисова отмечается, что начиная с 1940-х годов он много работал в области биографической прозы и писал преимущественно о жизни русских и зарубежных писателей и композиторов (А. Грин, Ж. Верн, Р. Стивенсон, С.В. Рахманинов и др.).

Знакомство с биографиями ученых и писателей позволяет утверждать, что в их памяти годами, десятилетиями хранятся факты и наблюдения, интуитивно селектируемые и откладываемые в кладовые сознания. Через много лет каким-то непонятным образом все всплывает, осмысливается заново и вплетается в их творческую жизнь, нередко определяя ее наиболее существенные грани. Возможно, еще в 1960-е годы биографические романы, повести и эссе Борисова чем-то заинтересовали Голофаста, видевшего себя литератором. Но, отказавшись от планов профессионально заняться литературой, он отошел от биографической тематики.

Прошло два десятилетия, и изучение биографий стало для Голофаста одним из доминирующих направлений его социологических исследований. Было бы хорошо, если бы его коллеги, продолжающие эту работу, вспомнили обстоятельства рождения биографического проекта и назвали факторы, определившие его развитие. Однако в любом случае это будут внешние, «проговаривавшиеся» моменты, мне же представляется, что один из интимных, не манифестировавшихся Голофастом мотивов разработки этой тематики мог лежать в глубинах его сознания с далеких «досоциологических» времен как отклик на книги Борисова. Таким образом, ранний литературный опыт стал не только основой приверженности Голофаста к феноменологической социологии, но нашел отражение и в его биографических исследованиях.

Приведа запись Голофаста, в которой упоминается Борисов, Божков сообщает об обнаруженном им в дневнике Валерия тексте «Открытого письма Сталину» Ф. Раскольникова, опубликованного за рубежом в 1939 году. Тот факт, что в 1960 году (или несколько позже) Голофаст переписал этот текст от руки и затем хранил его в дневнике, однозначно свидетельствует о том, что уже в двадцать лет он задумывался о природе сталинизма и, скорее всего, о более широком спектре политико-нравственных проблем. В принципе понятно, что критика сталинизма и многих сторон деятельности власти, проблемы подавления личности были центральными (не считая собственно вопросов творчества) в дискуссиях андеграундных поэтов и прозаиков, в частности — регулярных посетителей «Сайгона». И, думается, хождение письма Раскольникова в той среде было естественным. Вместе с тем можно допустить, что этот документ был привнесен туда наставниками молодых литераторов, людьми, пережившими крутые 1930-е и 1940-е и считавшими необходимым разъяснить своим «воспитанникам» природу того времени. Эта гипотеза нашла частичное подтверждение, когда в поисках информации о Борисове я обнаружил на сайте Российских государственных архивов упоминание о том, что в личном архиве писателя хранились шесть пи-

сем Раскольников. В 1959 году они были подарены Борису Давидом Яковлевичем Даром (1910–1980) [22] — учителем многих молодых ленинградских поэтов, в том числе Бродского и Довлатова [23].

10.

В статье о Галине Старовойтовой [3], в которой речь отчасти шла и о Голофасте, мне хотелось привести какие-либо метки из моей переписки с Валерием, указывающие на то, что и через много лет они хранили в себе культурный опыт «сайгонавтов»; но свидетельство этому я нашел только сейчас. В связи обсуждением моей работы над биографией Арчибалда Кроссли — одного из «отцов-основателей» опросов общественного мнения в США — и стремлением привести в ней письма его дочери, Голофаст заметил: «Но ты работаешь на грани литературы. Посему будь пост-пост модернистом, смело делай любые коллажи из любых вариантов и кусков» (23 января 2004 г.). Не обратив внимания на два «пост» я сразу ответил: «Да, буду постмодернистом. Сейчас с Сережей Чесноковым обсуждал его недавний концерт, в котором он соединил Галича и фламенко. Зашел к нему и Пригов. Вот такие вот дела». И здесь же — от Валерия: «...москвичи все развлекаются? Нет, я хорошо отношусь к Сереже, я слушал тогда на квартире Старовойтовой и Барщевского его концерт из гитарной испанской музыки 17 века и матерных стихов московских концептуалистов. Пост — это уже давно не ново» (23 января 2004 г.).

Помню о совете Голофаста быть постмодернистом, я обозначу один сюжет, связывающий траектории развития литературы и социологии в СССР, о котором — вполне возможно — размышлял Голофаст, интересовавшийся историей. Речь пойдет об академике Георгии Федоровиче Александрове (1908–1961), с деятельностью которого иногда связывают, а при определенном развитии событий в стране могут связать крепче становление советской постхрущевской социологии. Голофаст мог впервые услышать эту фамилию в разговорах с Борисовым.

Г.Ф. Александров, будучи многие годы начальником Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), был одним из инициаторов — или активных участников — разгрома журналов «Звезда» и «Ленинград», состоявшегося в 1946 году и надолго определившего особенности развития ленинградской (и советской) литературы [24]. В 1947 году им была отправлена «Записка» А.А. Жданову о том, что академиком П.Л. Капицей признается общечеловеческий, а не национальный характер научных открытий [25]. В 1949 году, когда Александров руководил Институтом философии АН СССР, он принимал самое деятельное участие в проводившейся в стране борьбе с «безродными космополитами»; в центре его внимания были философия и наука в целом.

Парадокс эпохи заключался в том, что борьба с космополитизмом и низкопоклонством перед Западом напрямую коснулась и самого Александра. Его книга «История западноевропейской философии» (1946) была подвергнута, словами того времени, критике за объективизм, терпимость к идеализму и декадентству, отсутствие должного напора в критике философских противников. С приходом к власти Хрущева Александров в силу разных обстоятельств был снят с ряда высоких правительственных постов, отстранен от исполнения обязанностей депутата Верховного Совета и «отправлен в ссылку» — руководить сектором диалектического и исторического материализма Института философии и права АН Белоруссии.

В 1955 году Александров начал читать в Белгосуниверситете спецкурс «История социологических учений», а в 1958 в Минске вышла его книга «История социологии как науки» — это была стенограмма его лекций. Через год им были опубликованы еще две работы: «Очерк

истории социальных идей в древней Индии» и «История социологических учений: Древний Восток». В каталоге Российской национальной библиотеки отражена и его более ранняя публикация (1948 год), имеющая отношение к социологии: это стенограмма его публичного выступления в Центральной лектории Общества по распространению политических и научных знаний в Москве — «Банкротство буржуазной социологии» [26].

В данном тексте сюжет с деятельностью Александра не просто вырос из факта разгрома двух ленинградских литературных журналов, он является продолжением обсуждения с Валерием некоторых аспектов развития современной советской социологии, которое, по сути, происходило на наших глазах; тогда он написал: (9 декабря 2003 г.): «Собственно, меня самого интересует, кто первый сказал "Да" и где: среди философов, в ЦК и пр.». Очевидно, что рассмотрение вопроса о генезисе постхрущевской социологии потребует прочтения и оценки многого, что дискутировалось в советской литературе и отражено в ряде официальных документов по поводу места социологии в системе советского обществоведения и роли тех или иных ученых в становлении этой науки. Более десяти лет назад Г. Батыгин и И. Девятко писали, что к 1956 году в Советском Союзе было, по крайней мере, два человека, активно работавших в области социологии [27]. Первым назывался Александров, вторым — Марк Петрович Баскин (1899–1964). В действительности здесь не все однозначно, и предстоит понять, создавали ли указанные книги Александра предпосылки для начала теоретико-эмпирических исследований общества в СССР или то были работы в области идеологии или социальной философии. Во всяком случае, мне не припоминаются ссылки на указанные выше публикации Александра в пионерных работах советских социологов первых поколений; не цитируются его книги и в «Лекциях по социологии» Ю.А. Левады.

Вопрос о роли трудов Александра — часть темы о непрерывности развития российской социологии. На мой взгляд, в историко-научном плане и в политико-нравственном отношении следует признать факт разрыва траектории развития российской социологии, нарушение преемственности и прекращение исследований по многим уже начинавшим оформляться направлениям [28].

Возвращаясь к анализу биографии Голофаста, замечу, что в тех событиях [29], которые он переживал из-за вынужденного прекращения работы над книгой «Семья в крупном городе» и в связи с необоснованной критикой [30] его тезисов «Эволюция социальной коммуникации» Б.Д. Парыгиным, Валерий вполне мог видеть элементы борьбы с космополитизмом. Ведь в основном обвинения, предъявлявшиеся ему, сводились к низкому идейно-теоретическому уровню, недооценке своеобразия развития советского общества, к увлечению западными концепциями. Это было противостояние двух культур: интеллектуализма и антиинтеллектуализма.

Подытоживая воспоминания о Голофасте как начинавшем поэте, Кузьминский писал: «...но судьбу Голофаста я тоже на Советы записываю. Счетик им предстоит — за многих...» [16]. К сожалению, эти слова относятся и к тому, что происходило в жизни Голофаста-социолога.

11.

Два обстоятельства позволяют мне включить в этот текст несколько фрагментов из рассказа Галины Иосифовны Саганенко о том, как она начинала работать в социологии. Первое, она — участник интервью с Голофастом, проведенного Шалиным, и второе, она представляет то же поколение социологов, что и Голофаст. Воспоминания Галины интересны тем, что она, скорее всего, первый в СССР профессиональный математик, волею обсто-

ятельств «заброшенный» в социологический коллектив и помогавший начинающим социологам — Здравомыслову, Ядову и их коллегам — осваивать методы обработки информации. Замечу: я училась на математико-механическом факультете в те же годы, что и Саганенко, потому все, кого она называет, знакомы мне. И это дает мне право говорить о точности ее наблюдений. Итак:

«...Я поступила на матмех ЛГУ в 1957 году, приехав из провинциального города Таганрог и выдержав конкурс в 4,2 человека на место; получила 21 из 25 баллов и была зачислена на факультет. Матмех на моих глазах перемальвал судьбы огромного числа людей — особенно сильно пускали под откос производственников, на втором курсе в 17 лет я тоже чуть не была перемолота той бездушной машиной, которая, видимо, называется классическим обучением.

История моего появления у Владимира Александровича Ядова была следующей. Как-то получалось так (видимо, для того чтобы началась эта история), что я пару семестров не получала стипендии и вынуждена была зарабатывать деньги, чтобы жить. Я иногородняя студентка, и мы с братом (на год меня старше, студент филфака) мужественно решили не сообщать родителям о паре по истории КПСС и отсутствии по сему у меня стипендии. Но брат ел докторскую колбасу, а я получала трудовой опыт на более скромном питании. Второй-третий курс прошел в бдениях на физической работе: фабрика Веры Слуцкой на Косой Линии, Хлебозавод № 1 на Барочной, почта на Среднем проспекте у 7-й Линии, колхоз на месяц по разнарядке для научных работников от Института теоретической астрономии — за ставку лаборанта в 74 рэ (кстати, я там познакомилась с кучей «академиков» — так мы называли сотрудников Академии наук, один из них потом стал академиком). Матмех не скупился на выговоры. На третьем курсе осенью у меня их было сразу три.

К концу третьего курса мы (были еще другие любители такого хобби на матмехе — точно помню, мы путешествовали по «злачным хлебным местам» с камчадалкой Ниной Дмитриевой — знаменитая была личность на матмехе) перебрались на интеллектуальную работу — лаборант в Аэродинамической, затем в Газодинамической лаборатории. <...> У нас давно были ушки на макушке, и мы (с Н.Д.) не зевнули объявление в газете «Ленинградский университет» (на той еще туалетной бумаге, в один двойной лист) — о том, что социологической лаборатории философского факультета требуются студенты на кодировку данных опроса или что-то в этом роде...

Перфокарта для сортировочной машины имела 80 колонок, требовала только целых чисел и максимум 10 вариантов на один признак/вопрос. Вопросов было больше чем 80 и, более того, Андрей Григорьевич Здравомыслов был докой по выявлению объективного отношения рабочих к работе и по сему напридумал разные индексы — складывать, умножать, делить «работу», «инициативу», «дисциплину» и затем квантовать, чтобы получить целые баллы. Самые детальные объяснения по кодировке шли от него.

500 анкет за 37 рублей. В общем за 37 рублей была у меня непыльная работа в Меншиковском дворце. 500 своих, 500 дмитриевских анкет (Н.Д. легко устраивалась, но не очень одухотворялась рабочей суетой) и я с чистой совестью получила свои 37 рублей. И еще я сунулась посмотреть, как чего другие закодировали. И «о, боже!» — там были ошибки. «О, боже» — это было, конечно, не мое восклицание, а Ядова. Мы тогда с ним провели чистый статистический эксперимент на 10 или около того штук анкет — и факт подтвердился: по 3–5 ошибок на анкету. Полная перекодировка всех других анкет <...> Далее нехитрый расчет: 2665 респондентов делим на 500 шт. умножаем на 37 руб., вычитаем подоходный налог — итого Галя Саганенко, студентка 4-го курса матмеха, впервые заработала в социологии 160 рублей.

Потом какие-то нехитрые общения продолжались — помню, что Дмитриева убедительно внушала Ядову, что ему без математика никак. Он и сам это понимал.

Я стала писать у Ядова диплом — я как-никак заканчивала кафедру теории вероятностей и математической статистики и считать там всякие проценты, средние, дисперсии, корреляции, статистические проверки гипотез научилась по ходу — до таких мелочей наш матмех не опускался, а, может, я это зевнула у Виктора Павловича Скитовича (читавшего соответствующий курс. — Б.Д.), но думаю — нет...

Я подготовила скромненький, написанный шариковой ручкой диплом примерно на тему «Использование математики в социологии», получила «5» — от Ядова и его резюме примерно о том, что это «впервые в мире», «4» — от Скита, и была единственной, кто при «5» и «4» (в любой комбинации у всех было «5») получил итоговую «4». Тем и горжусь.

Итак, вернемся к сюжету: «Ядов и сам понимал, что ему без математика никак». Но у Ядова на тот момент был только один реальный ресурс — ставка старшего лаборанта в 83 рубля, освободившаяся от Эдика Беляева (который, вроде, куда-то отправился — на стажировку ли, в аспирантуру или что-то в этом роде).

Владимир Александрович понимал, что выпускников матмеха — ленинградцев калачом не заманишь на 83 рэ — на каждого из них по три-четыре заявки приходило к окончанию матмеха. И он пошел, насколько я понимаю, договариваться с ректором Данилычем (Александр Данилович Александров. — Б.Д.) — как оставить иногороднюю выпускницу матмеха в лаборатории. К моменту распределения я своей судьбы не знала, готова была поехать в Жуковский, Реутово, Калининград и прочее Подмосковье, куда отправлялись многие мои иногородние сокурсницы. На комиссии по распределению меня оставили «на потом» и в конце объявили, что распределена в Социологическую лабораторию с предоставлением места в общежитии...

В 1974 году в Москве Саганенко защитила кандидатскую диссертацию по проблемам надежности исходной информации в социологическом исследовании. В 1979 году опубликовала по этой теме книгу (вот уж, действительно, не зря начинала с кодировки), а в 1991 году состоялась защита ее докторской диссертации на тему «Уровни эмпирической доказательности в социологии» — тоже в Москве. Если следовать Ядову, то получается, что Саганенко — первой помогла ленинградским социологам в использовании количественных методов, то есть в освоении позиций «жесткого позитивизма». Голофаст был первым, кто привнес в ленинградскую социологию мягкие методы.

12.

Трудно судить, в какой мере мне удалось передать в этом очерке суть тех методологических подходов к изучению биографий и сопряжению биографического с историческим, о которых многие годы размышлял Голофаст и которые мы пытались обсуждать с ним в нашей переписке «сразу обо всем». Наша электронная беседа превралась более трех лет назад, когда я только приступал к обобщению материалов по истории становления исследований общественного мнения в США [31] и когда были закончены первые биографические интервью с российскими социологами. Я не могу сказать, что в моей последующей работе я пользовался какими-либо специальными, профессиональными советами Валерия; кто помнит его, понимает, что он таких советов и не давал. Но мне ясно и то, что многое в моем видении природы историко-научоведческих поисков, в которых изучение биографий творческих людей является центральным элементом и цементирующим составом, навеяно реальным и мысленным диалогом с Голофастом.

На следующий день после смерти Геннадия Батыгина Голофаст написал: «В таких случаях всегда восклицаешь: не может быть... <...> только два дня назад я прочел 4 номер за прошлый год, который Гена прислал. Круг сужается. Ты ведь знаешь ощущение — вокруг много незнакомых людей» (2 июня 2003 г.).

«Не может быть» — говорил и я себе, когда получил от Оксаны Голофаст сообщение о смерти ее отца. Написанный мною некролог завершался словами: «Я посмотрел мои публикации последних лет... чаще всего я благодарил в них за помощь Валерия Голофаста... спасибо Валерий... я понимаю, что без тебя мой интеллектуальный мир станет много беднее... а значит, и все остальное будет серее...» [32]. Так оно и оказалось...

Литература:

1. Докторов Б.З. Он изучал людские мнения “нещадно, вопреки всему”. Памяти Бориса Андреевича Грушина (1929–2007) // Социологический журнал. 2007. № 4. С. 171–184.
2. Докторов Б. Жизнь в поисках «настоящей правды». Заметки к биографии Ю.А. Левады // Социальная реальность. 2007. № 6. С. 67–82.
3. Докторов Б. Галина Старовойтова. Фрагменты истории российской социологии как истории с «человеческим лицом» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 6. С. 8–13.
4. Социология в России / Отв. ред. В.А. Ядов. 2-е изд. М.: ИС РАН, 1998.
5. Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин. М.: Изд-во Рус. христиан. гуманист. ин-та, 1999.
6. Фирсов Б.М. История советской социологии 1950–1980-х годов. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2001.
7. Докторов Б. Российские реформы и история российской социологии. Тезисы к Международной научно-практической конференции «Гуманитарные стратегии российских трансформаций». Тюмень, 26–27 октября 2007 г. <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/doktorov_reform.html>.
8. Электронное письмо Г.Б. Голофаста Б.З. Докторову от 10 января 2008 г.
9. Божков О. Эскиз портрета друга <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/memoriom/golofast_bozhkov.html>.
10. Голофаст В.Б. Проблемы изменения семьи в современной американской социологии. (Критический анализ). Автореф. дисс. ... канд. философ. наук. М.: АН СССР; Институт философии, 1972.
11. Голофаст В. Социология семьи. Статьи разных лет / Под ред. О.Б. Божкова. СПб.: Алетейя, 2006.
12. Травин И.И. «В социологию я пришел совершенно сознательно» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 1. С. 3–11.
13. Голофаст В. Как только темнота засветится // Антология новейшей русской поэзии: Т. 5-А / Сост. К.К. Кузьминский, Г.Л. Ковалев. С. 265 <http://kkk-bluelagoon.nm.ru/tom5a/zub_golofast.htm#11>.
14. Божков О.Б. Разнообразие интеллектуальной биографии // Право на имя. Биография вне шаблона. СПб.: НИПЦ «Мемориал», 2006. С. 146–156.
15. Кузьминский К.: Умеренности я в себе не наблюдаю, ни в чем... <http://www.pchela.ru/podshiv/12/no_measure.htm>.
16. Голофаст В. У голубой лагуны // Антология новейшей русской поэзии: Т. 5-А / Сост. К.К. Кузьминский, Г.Л. Ковалев. С. 260–266 <http://kkk-bluelagoon.nm.ru/tom5a/zub_golofast.htm#1>.
17. Ядов В.А. Валерий не скупился на разбрасывание идей <http://www.pseudology.org/Golofast/Golofast_Yadov.htm>.
18. Гаспаров М.Л. Примечание псевдофилософское // Гаспаров М.Л. Записи и выписки. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 100–102 <<http://nevmenandr.net/scientia/gasparov-pseudo.php>>.
19. Борисов Леонид Ильич <http://www.biografija.ru/show_bio.aspx?id=12418>.
20. Докладная записка управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Жданову о неудовлетворительном состоянии журналов «Звезда» и «Ленинград». 7 августа 1946 г. <http://www.sovlit.ru/articles/zapiska_zhdanovu_1946.html>.
21. Давыдов А. Писатель Леонид Борисов // Нева. 2003. № 11 <<http://magazines.russ.ru/neva/2003/11/davydov.html>>.
22. Российский государственный архив литературы и искусства. Путеводитель. Вып. 8. М. РОССПЭН, 2004. (Ф. 2214; оп. 2; 1 ед. хр.; 1919–1923 гг.) <<http://guides.rusarchives.ru/browse/guidebook.html?bid=145&sid=51051>>.
23. Трифонов Г. Учитель // КВИР. 2006. № 32 <http://www.kvir.ru/32_44.html>.
24. Вергасов Ф. Григорий Фёдорович Александров <<http://www.pseudology.org/information/AlexandrovGF.htm>>.
25. Записка Г.Ф. Александрова А.А. Жданову об обосновании академиком П.Л. Капицей общечеловеческого характера научных открытий. 7 августа 1947 г. <<http://www.ihst.ru/projects/sohist/books/cosmopolit/45.htm>>.
26. Александров Г.Ф. Банкротство буржуазной социологии / Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. М.: Правда, 1948.
27. Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. Социология и власть: эпизоды советской истории // Тоталитаризм и посттоталитаризм (Статьи и подготовительные материалы): Кн. 2. М.: ИС РАН, 1994. С. 174–201.
28. Здравомыслов А.Г. О судьбах социологии в России // Социологические исследования. 2000. № 3. С. 141 <<http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2005/01/14/0000202337/019.ZDRAVOMYSLOV.pdf>>.
29. Божков О., Протасенко Т. «Гляжу в себя как в зеркало эпохи» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. № 6. С. 2–13.
30. Докторов Б. Как это было – 2. Анатомия закрытия // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. № 6. С. 14–16.
31. Докторов Б.З. Отцы-основатели: история изучения общественного мнения. М.: Центр социального прогнозирования, 2006.
32. Докторов Б. Валерий Борисович Голофаст (1941–2004) <http://www.pseudology.org/Golofast/Golofast_indivd2.htm>.